

Виталий КУДИНОВ

ОСКАЛ ВОЛКА

Москва.

– За блестящие достижения в области фотографического дела, отмеченные изысканностью стиля и духом эпохи, глубоко выстрадаанным гуманизмом, награждается Виктор Вонидук из Алтайского края...

Не сон. Это было наяву. Я поднимался на сцену. Знаменитая кинодива вручала мне статуэтку, я мило целовал ей ручку, и... через час мы с Ильёй, моим другом, членом литературного объединения, в котором когда-то вместе с ним занимались, Ильёй, теперь известным писателем, любившим в те студенческие годы Ленку – поэтессу, тоже из нашего же объединения, которой также был увлечен и я, уже сидим в ресторане, пьем коньяк и просматриваем фотоальбом, тоже доставшийся мне на фотовыставке.

– Вить, ты давно мне обещал рассказать историю появления вот этого снимка, – Илья ткнул пальцем в фотографию из моей серии

снимков, за которую я и получил награду. На фото крупным планом показана морда волка, выражающая совсем нерадостную встречу с объективом в руках человека... Этот оскал волка излучал и злость, и гнев, и ненависть одновременно, отчего при первом рассмотрении фото сразу же обуревал страх и по спине от испуга бежали нервные мурашки. Такой вот создавала фотография эффект.

– Да, интересный был тогда момент, – загадочно проговорил я и выпил рюмку коньяка, закусил ломтиком лимона, стойко сдерживая на лице гримасу от его кислого вкуса, но не сдерживая в себе нахлынувшие воспоминания, события которых и послужили началом того, за что сегодня я получил премию.

– Обещал... Так слушай, – многозначительно сказал я.

После сдачи зимней сессии недели моего безделья, так «удачно» проходившая у моих родителей дома, подходила к концу. За эти

Виталий Александрович КУДИНОВ родился в 1961 году в городе Бийске. Окончил Алтайский медицинский институт. С 1986 года работал в медицинских учреждениях города Бийска. С 2014 года работает главным врачом заводской поликлиники ПО «Сибприбормаш». В 2016 году окончил курсы литературного мастерства секретаря Союза писателей России А.В. Воронцова. Публиковался в журналах «Нижний Новгород», «Огни над Бией». Член литобъединения «Парус».

Живёт в Бийске.

дни, заполненные сплошь пассивным отдыхом, всего и смог-то я сделать: проявить накопившиеся, давно отснятые мной катушки пленок от фотоаппарата да напечатать с негативов стоящие снимки. Все остальное время, – пока родители были на работе, да и вечерами после ужина, – я лежал на диване, читал книгу или газет в телек. Короче, бездельничал, тихо, спокойно, размеренно, никому не мешая. Никакого другого времяпрепровождения в ближайшие дни я не видел на горизонте. Чтобы встретиться с моими школьными друзьями в родном городе – и думать даже было нечего, так как все были заняты сдачей сессий в разных учебных заведениях страны, куда поступили после окончания школы, а дни каникул перед вторым семестром у нас не совпадали. И вдруг, неожиданно-негаданно и неизвестно откуда возникшее в моей голове желание – съездить в деревню и, так сказать, проведать родичей моей матери – все больше и больше захватывало мою сущность. Конечно, особого энтузиазма от предстоящей поездки в деревню я не испытывал (ведь на дворе зима, и особо развлечься там, как раньше было, когда мы с братом Юркой летом ходили на танцы в сельский клуб, наверное, не придется), но предстоящая встреча со стариками, с которыми я не виделся с прошедшего лета, вызвала во мне пока какой-то непонятный интерес и внесла в мою жизнь, «скованную морозами» и не только ими, искорку тепла. А «сковывала холодом» в то время мою студенческую душу Ленка – поэтесса, тоже студентка, но из универа, вместе с которой я занимался в литературном объединении «Родник». Этот «холод»

вносила в мою юную жизнь не сама Ленка, а её «параллельные» отношения с моим другом из политеха Ильёй, которые и отодвинули меня на второй план. Да, Илья тоже, как и Ленка, начинающий поэт, стихи которого в объединении все хвалят. Я же прозаик, поэтому своей обыденностью поэтессам запудрить мозги с ходу не могу. Но и оставить Ленку, вот так просто, тоже не могу... Да, ладно об этом – не время сейчас.

И вот я, в зимний пятничный день, чуть-чуть морозней, чем в обычные дни (по сибирским меркам минус 20-25 градусов – это так, баловство), преодолев на автобусе 100 километров по довольно хорошей дороге, к обеду прибыл на автостанцию райцентра. Автобус же до родненькой деревни, до которой и было-то всего 10 километров пути по предгорью, ушел с автостанции почти перед самым моим носом, а следующий рейс был аж в пять часов вечера (зимой в это время уже довольно темно). И я, дожидаясь этого самого рейса и имея в своем распоряжении несколько часов до отхода автобуса, решил, так сказать, прошвырнуться по местному промтоварному магазину, так как в конце 70-х, коротая время, особо и сходить-то было некуда – ни ЦУМов, ни каких-нибудь кафе в райцентрах еще не было.

В «салоне верхней одежды» промтоварного магазина я, вышагивая вдоль рядов с развешанной на деревянных плечиках одеждой, лениво шаря глазами по однообразному пошиву советских фабрик и размышляя про себя о том, что зимой-то мне есть в чем ходить (благо мать мне купила по осени черную искусственную шубку,

в которую я и был сейчас одет), а вот весной-то у меня будут проблемы, так как моя болоньевая куртка для носки уже была не пригодна: маловата стала она мне еще осенью – как-никак 18 лет скоро будет, расту пока еще...И тут я прерываю свои размышления, как только мой взгляд натывается на одиноко висевшее в сторонке шерстяное демисезонное пальто серого цвета в черную крапинку. Пальто такого молодежного фасона: стёганое, двубортное, с английским отворотом, с поясом, да еще с такой расцветкой – серое в крапинку, тогда в стране были модными. Такое пальто носил и мой друг Илья. Примерив пальто в присутствии абсолютно безразличной к покупателям продавщицы, но всё же сумевшей уловить в моем поведении возникший интерес именно к этому пальто и, пересилив свою лень, подойти ко мне в тот момент, когда я уже принял решение: это пальто покупать, но не сегодня (таких денег у меня с собой не было отродясь – стоило пальто 115 рублей), а приехать за покупкой завтра (магазин работал по субботам). На возникший тут же у меня к себе вопрос: где взять деньги? я ответил как-то сразу: такие деньги можно было пока перехватить у бабушки, в крайнем случае, если у нее не найдется такой суммы, то у многочисленных родственников в деревне можно занять, а потом, по приезде в город, выслать долг почтой (у матери с отцом деньги-то были – я знал). Я объяснил продавщице сложившуюся ситуацию и попросил её «отложить» пальто до завтра, на что она сперва сделала кислую «мину», но потом всё же согласилась.

Потом уже, в деревне, когда у бабушки нашлись нужные мне

деньги на покупку пальто, поздно вечером за ужином и было решено, что я один поеду завтра утром первым автобусом в райцентр покупать так понравившееся мне пальто. Еще они меня, на ночь глядя, пытались пугать какими-то волками, якобы появившимися в этих местах и нападавшими на людей; на что я отмахнулся рукой, ушёл спать и как-то быстро уснул.

На следующее утро, когда еще на ночном небе не намечался рассвет, я с нужной мне суммой денег во внутреннем кармане моей шубейки, с оттопыренным боковым карманом от прихваченного с собой еще из города и неразлучного в те годы со мной фотоаппарата (имелась мысль заснять сегодня заснеженные вершины гор, цепочкой окружающие райцентр), с тряпичной сумкой в руках, в которой стояла крынка вчерашнего молока (бабушкин гостинец продавщице, пошедшей мне навстречу), я отбыл рейсовым автобусом в райцентр и через полчаса уже медленно прохаживался у высокого крыльца «Промтоваров», покупая «в открытую»(дома же стеснялся еще своих родителей) цивильную сигарету с фильтром на морозном воздухе, дожидаясь открытия магазина. Примеряя еще раз пальто, так ладно сидевшее на мне, смотрясь в круговые зеркала, я видел в них отражение совсем другого, «моднячего» парня, а не худого студентика в коротенькой шубейке; в зеркале присутствовало и изображение продавщицы, получившей подарок в виде крынки с молоком, но все равно продолжающей скучать и зевать. Я расплатился за товар, потом еще немного побродив по продовольственным магазинам и купив всего

лишь пачку болгарских сигарет, не долго думая и не дожидаясь рейсового автобуса в мою сторону почти до обеда, я, счастливый от покупки и от мысли, что жизнь моя всё же немного налаживается, направился на окраину райцентра, откуда со старой деревянной остановки начиналась гравийка до деревни, откуда и прибыл я утром. А там – как повезет: может, какая-нибудь попутка подвернется и подберет меня, а нет – так пешком пройду, подумаешь, всего-то топтать каких-нибудь десять километров. Солнышко вон скоро выглянет – пофотографировать «от души» можно – давно ведь собирался, да и одет я был тепло, а мороз так себе – минус 25, и на ногах у меня – не безразмерные пимы, а дедовские удобные, не «хлюпающие» в голенищах валенки – ноги не собою, факт.

День всюду набирал силу, когда я пешком добрался до полуразвалившейся деревянной автобусной остановки, в которой, конечно же, не было никаких путников, ожидавшихся какого-либо попутного транспорта (хоть лошади, запряженной в сани) – сегодня же суббота, выходной для шоферов день (личных авто тогда было совсем мало). Вот так, про себя рассуждая, я незаметно и вышел на окраину райцентра и миновал «неофициальную» свалку мусора в виде наваленных вдоль дороги больших и маленьких куч. Заканчивалась свалка пустырем с огромной кучей различного хлама, вокруг которого сновали разномастные и «разнокалиберные» собаки, разрывающие клыками какие-то коробки, и совсем не обращающие никакого внимания на меня, мирно проходившего мимо них и помахивающего рукой дер-

жащей бумажный сверток серого цвета, в котором находилось туго свернутое и крест-накрест перевязанное бумажной веревкой только что купленное пальто с черными крапинками.

Совсем не резвой походкой, одолев примерно два лога из пяти, расположенных на моем пути, и в любой момент ожидая появления за спиной звука попутной машины, я в очередной раз обернулся назад и заметил вдалеке от себя серые собачьи фигурки, так далеко почему-то отбежавшие от свалки. И не придав этому никакого значения, я, щурясь от белизны чистого деревенского снега и ожидая появления совсем не греющих зимой солнечных лучей, чтобы немного пощелкать фотоаппаратом, продолжал свой путь и от хорошего настроения пытался даже что-то насвистывать и напевать. Через какое-то время, с наслаждением проводя своим взглядом по очертаниям цепочки горных вершин, уходящих вдаль, я, поворачивая голову все больше назад, за спину, насколько можно это было сделать, и продолжая идти, то и дело разворачивая по сторонам свой корпус, неожиданно для себя краем глаза четко уловил два хорошо различимых силуэта собак. Эти фигурки двигались в одном направлении со мной по снежному полю недалеко от обочины дороги. Приостановившись и полностью повернувшись назад на пятках, переведя свой взгляд на саму дорогу, я увидел еще одну собаку, довольно быстро приближающуюся ко мне. По снегу на другой стороне от дороги прыгали еще две собаки, похожие, догоняющие меня. Только тут у меня в мозгу щёлкнуло, что это были не

собаки, как я думал раньше, так далеко отбежавшие от свалки, а это были волки, про которых говорили мне старики; и тут меня пронзила с головы до ног холодная стрела формирующегося во мне страха. Я остановился и тупо глазел на приближающуюся ко мне стаю волков и, остолбенев от этого, стоял и просто наблюдал, как они все ближе и ближе становятся ко мне, и, совсем растерявшись, ничего не мог сделать с собой. Я лишь начал пятиться назад – в своем прежнем направлении. И когда вожак с темно-рыжим окрасом в нескольких метрах от меня оскалился и начал рычать, я рефлекторно замахнулся на него свертком, который держал в руке, и что-то ругательное громко крикнул в его сторону. Главарь остановился, выпучил на меня свои хищные глаза и продолжал сучить на месте своими довольно крупными лапами, выказывая этим свою нерешительность. Тут я отметил про себя еще одну вещь: справа и слева от меня, вырвавшись вперед вожака, две пары волков по снегу стали обходить меня с двух сторон. Скорее от испуга я, всё ещё продолжая пятиться от главаря, начал громко орать запомнившиеся мне песни из репертуара хора, в который я ходил в школьные годы. Мой звонкий голос не застыл, и морозный воздух не мог перехватить моего гортанного пения – я сильно был напуган. Так же, как и я от появления волков пришел в растерянность, так и члены стаи от моего крика пришли в топор: сам главарь и повернутые головы других в его сторону замерли одновременно – они, похоже, ожидали команды вожака. Я же, немного уже придя в себя и видя заминку в действиях

волков, стал соображать, что все плохое, что может случиться со мной, зависит сейчас от вожака, кличка которого волки ждали, и я, не спуская с него своего взгляда, приготовился и стал ждать с его стороны нападения на меня – он должен кинуться первым. Выставив вперед свою руку со свертком и как бы инстинктивно ею защищаясь от противника, другой рукой я достал из бокового кармана шубы фотоаппарат и в автоматическом режиме начал им щелкать, наводя наугад, не целясь объективом в вожака. Щёлкал и по сторонам, наобум, наводя фотоаппарат на членов стаи. Я таким макаром защищался от волков.

Нерешительность вожака при нападении на жертву стала видна еще больше тогда, когда до меня из-за спины еле-еле стал доноситься какой-то трескучий звук, в этот момент для меня такой желанный и спасительный. И тут я, чувствуя какую-то поддержку со стороны, немного осмелев, проявил теперь свою решимость и сделал угрожающий резкий выпад вперед, к главарю, семенящему ногами, с при-топом, при этом громко ругаясь. Я хорошо видел, что его темно-коричневая шерсть на солнце отливала рыжим окрасом. Хищники опять замерли в нерешительности, стояли как вкопанные, присматриваясь к моему угрожающему поведению и прислушиваясь с каждой секундой к все приближающемуся и всё усиливающемуся трескучему звуку из-за моей спины. Я же все еще боялся обернуться назад, боялся при этом оторвать свой взгляд от волков и пропустить начало их атаки на меня. Противостояние какое-то время продолжалось. Волки, чувствуя опасность для себя в своем же

замешательстве и в всё нарастающем каком-то шуме, лицеизрели оскал своего вожака, который теперь стал больше похож на испуг. Но вожак всё ещё продолжал скалиться, оголяя при этом передние клыки, блестящие своей белизной на солнечном свете, а в его взгляде было еще много того, что похоже на улыбку злости. Я осмелел от мысли, что скоро ко мне придёт помощь. В этот момент я сделал еще пару снимков и автоматически засунул фотоаппарат в боковой карман своей шубейки, всё ещё продолжая ждать нападения волков. Даже когда из-за пригорка показалась трескучая махина и когда уже я определил только по звуку за своей спиной, но все еще боясь повернуться назад и убедиться в том, что это трактор и спасение мое в нём, волки не развернулись назад, а проваливаясь в снежный наст, медленными прыжками устремились к главарю – своему спасителю, все еще не понимая, что их охота, похоже, закончилась неудачей.

И когда главарь сам попятился назад, а потом, показывая всем своим видом членам стаи, что это временное отступление и это его такой тактический ход, а не неудача, его клыки сильно стали выпирать вперед, и при оскале, при котором подрагивали губы с черным ободком, мелькала белизна зубов, и это было похоже на мерцание чего-то очень яркого, ослепительного. Я всё же быстро оглянулся назад и, отметив только то, что ко мне едет трактор на колесах (Беларусь) и что он уже скоро будет рядом со мной, сразу же повернулся опять к волкам и устремился взглядом в сторону потенциальной атаки неприятеля, теперь уже развернувшегося свои ряды и удалявшегося

от меня. У вожака чуть подрагивали ноги. Он семенял и все ещё продолжал злобно дышать в мою сторону. Был слышен полулай – полувовай гавая, доносившийся до меня даже сквозь ритмичный рокот теперь уже остановившегося возле меня на дороге трактора. Затем недалеко от нас прямо на дороге образовалась свора из волков, грызшихся между собой; они, видно, разбирались: кто виноват в неудаче охоты.

Из кабины трактора выскочил крепенький нестарый мужичок, среднего роста, в фуфайке и заячьей шапке и, вытащив из кабины ружьё, подошел ко мне.

– Трухнул, парниша? А? – спросил он меня и положил на мое плечо свою тяжелую крестьянскую руку.

Я глянул в скуластое лицо тракториста и, видя его добрые глаза и уголки рта растягивающиеся в улыбке, чуть не заплакал, но сдержал было наворачнувшиеся слезы. Совсем уже осмелев, я вытащил из кармана фотоаппарат и сделал несколько снимков снежной дороги с теперь уже еле видимыми на горизонте серыми пятнами стаи волков и тут же щелкнул фотоаппаратом улыбающегося тракториста с двустволкой в руках у большущего колеса «Белоруса» с незаглушенным двигателем.

– Я тебя, паря, не знаю, нездешний ты будешь. Приехал к кому? – уже в кабине трактора, подеревенски рассуждая, расспрашивал меня мужик.

– К Дарье Андреевне Казанцевой я приехал. Внук я ее, – стараясь перекричать трескотню мотора, отвечал я.

– А, к Дарье с Фёдорычем. Есть такие, – посмотрел на меня внимательно тракторист, продолжая

крутить баранку. – Ну, что же ты так небрежно-то? Тебя наверняка предупреждали старики, что волчья стая нынче орудует у нас, а? Надясь мужика из соседнего села загрызли насмерть. Такого волчьего беспредела давно не было, а все из-за этих лютых нынешних морозов. Опасно, дружок, вот так вот у нас одному шастать, да еще без ружья, – сурово закончил мой спаситель.

– Кстати, тебя как звать-величать? – как бы опомнившись, выкрикнул тракторист.

– Виктор.

– А я Егор, дядя Егор, будем знакомы, – Егор пожал мне руку и продолжал. – Повезло тебе, Витек, что зрение у меня хорошее, книжками разными не испорченное, с детства не люблю читать, и не манит, ящик с антенной, да, смотрю, концерты там разные, фильмы про деревню, а книги – нет, не мое это. Так вот, – вернувшись к теме, продолжал Егор: – Я тебя давно приметил на дороге – когда ты миновал еще второй лог и поднялся на сопку, а вот сопровождение твое заметил, когда телегу уже соломой загрузил и прицепил обратно к трактору. Пока телегу снова отцеплял, ведь мне на дороге не развернуться с ней, смотрю – серьезно они за тебя взятыя решили, худо совсем у тебя стало, и погнал к тебе на полной. Успел. Кабы не я – не знаю, чем бы у вас тут закончилось и что бы они с тобой сделали. Короче, хана тебе бы пришла. Напугать-то здорово они тебя напугали, – сделал свои выводы Егор.

Тут и я начал понимать, что только что находился в довольно серьезной ситуации, которая могла бы закончиться для меня плачевно, да чего уж там – могла

закончиться гибелью. Меня снова обдало волной жара, такой же волной, которая возникла у меня сразу после холодного озноба от страха тогда, когда я понял, что передо мной настоящие волки, тогда, когда в шаге от меня мелькал оскаленный волжак с громким лаем. А сейчас я почувствовал ещё и вот что: после всего перенесенного по моей спине побежали струйки пота.

– А ты, парень, еще оригинальничает, – доносилось до меня. – Ему волки зубами чуть задницу не прихватили, а он умудряется перед ними еще и фотиком щелкать, – ухмылялся Егор, крутя баранку трактора и то и дело поглядывая на меня, дожидаясь моего ответа. – Ори-ги-нал, – растягивал он полюбившееся ему словечко.

Я же молчал и вдруг, вспомнив о волках, снова инстинктивно обернулся назад, на дорогу – не продолжают ли преследовать они меня. Через заднее мутное стекло трактора, всматриваясь в убегающую вдаль и там растворяющуюся снежную дорогу, пытался что-то разглядеть в этой солнечной белизне сплошного снега. Я шурился, но волков больше там не видел. И думал я тогда о том, что больше в жизни не увижу их, но, как оказалось, – я ошибался...

Бабушка с дедушкой от моего рассказа были в шоке, но к вечеру, немного отойдя от переживаний за внука, бабушка сказала мне:

– Матери не говори, а то с ума сойдет.

А когда она принесла изъятую из свертка пальто и показала мне разрыв – словно зубами вырванный клочок из ткани, про который я даже и не догадывался, бабушка проговорила:

– Зашьем, как новенькое будет.

– Куда уж новее, – ухмыльнулся я. И тут мы, переглянувшись, засмеялись вместе с бабушкой. Стресс выпускал нас из своих лап.

Засыпая, я представлял себя в новом пальто, выражающим (как говорила бабушка в таких случаях) перед Ленкой, понимая, что теперь она полностью будет моей, но сон испортил всё: во сне волки в ярости изорвали на куски моё пальто и одежду, что была на мне, и я почти голый один стоял на заснеженной дороге, а Ленка, ухмыляясь, уходила от меня под ручку с моим другом Ильёй...

– И ты что, отбиваясь от волков свёртком с пальто, фотоаппаратом в пасть волку заглядывал? – взвинченный моим рассказом, спросил Илья.

– А что мне делать оставалось? Фотографировал я неосознанно, машинально, как бы защищая себя, – сказал я как можно грустнее, хотя настроение у меня было сейчас не такое уж плохое (коньяк и полученная мною статуэтка создали хорошее настроение). Я направил свой взгляд на фотоальбом, который лежал на столе в сторонке, и из множества фото-

графий выхватил ту, на которой тракторист Егор с ружьём в руках расплывался своей лучезарной улыбкой. От этой широкой улыбки и ружья, так не вязавшихся на снимке между собой, ещё больше улучшилось моё настроение, и я попытался передать его Ильё:

– Тебе, Илья, достались тогда слава писателя и Ленка, а мне – рваное пальто и фото злого волка. Так? – Илья молчал недолго. Ведь не зря же Илья был настоящим писателем, знатоком человеческого душ.

– Ты, Вить, рискуя тогда, сегодня сделал большое дело: выиграл достойный международный конкурс. И это здорово! Смотря на твою галерею снимков, видишь перед собой мерцание человеческих качеств: хороших ли, плохих ли; намерений: добрых ли, злых ли, но присутствующих в нашей жизни. И это твоё фотографическое творчество смотрится как прилично снятое кино.

И точно: в злом оскале волка я теперь увидел искорки доброй насмешки над собой: что? испугался? И передо мной предстало видение: вечная улыбка Джоконды с картины Леонардо да Винчи со своим загадочным взглядом в нас...людей.

